

В серии ЖЗЛ издательства “Молодая гвардия” опубликована биография В. М. Шукшина, написанная Алексеем Варламовым. Прочитал, и голова пошла кругом. Навалилась бессонница. Мне нарисовали Макарыча совсем не таким, каким я его знал. В книге бессчётное количество эффектных случаев, фактов, сообщённых конкретными людьми, но в финале каждого случая автор опровергает его правдивость. Зачем же он их публиковал? Чтобы запутался читатель? Однако каждый эпизод, подвергнутый “зачёркиванию”, в контексте книги сочится ядом неприятия личности Шукшина и не скрывает симпатий самого автора к либеральному крылу “нашей литературы”.

Сожалею, что позволил издательству использовать мой фотоархив. Начнём с иллюстративного материала книги. Последний кадр фильма “Печки-лавочки” сопровождается фразой: “Это ещё не конец, нет. Какой, к чёрту, конец! Что ты! Нет!” Для меня эта подпись – начало переиначивания смыслов. Если бы в книге финал фильма комментировался! Так ведь нет этого. А за предстоящий финал столько нервов было изорвано. Оглядывая родные места, Шукшин сам для себя произносил: “Всё, ребята, конец”. На сдаче “Печек-лавочек” Макарыч просил художника и меня: “Громче кашляйте, может, проскочим?!” Однако в заключении Госкомиссии был отдельный пункт: “Вырезать финальную фразу “Всё, ребята, конец”. Только после смерти Шукшина её восстановили. А Варламов вырвал эту фразу из письма Василия Макаровича к своему сокурснику Виноградову, написанную совсем по другому поводу.

Подпись под портретом В. А. Кочетова “Товарищ Кочетов мне уже и прописку в Москве устроил” не соответствует действительности. Макарыч прописался у О. М. Румянцевой, а позже вступил в жилищный кооператив. О ссоре Твардовского с Кочетовым ни одного факта в книге не приводится, и создаётся впечатление, что главным публикатором в “Новом мире” рассказов Шукшина была Ася Самуиловна Берзер, а Твардовский вроде бы и ни при чём. А ведь Шукшин перед каждой публикацией встречался с ним, и даже был разговор о сходстве их судеб, хотя Твардовский осторожничал.

Под фотографией К. С. Мельникова с Шукшиным подпись: “Беспутство – дар русской стихии творить бесценное”. Это ёмкое суждение из рукописи Мельникова “Архитектура моей жизни”. Без пояснения оскорбляет память присутствующих на снимке собеседников.

О фотографии на съёмках к/ф “Они сражались за Родину”. Подпись гласит: “Последняя прижизненная фотография Шукшина”. Я сделал её в сентябре 1974 года, за 20 дней до смерти Шукшина. Для меня это последняя моя фотография Макарыча. Но после меня его снимали Марк Дейч, Ковтун, Толчёнова (из софроновского “Огонька”) и другие. Если кто из них предъявит права на действительно последнюю прижизненную фотографию Шукшина – я буду лжец.

Обратимся к тексту книги. В главе “Врать буду!” Варламов говорит о том, что на 2-м курсе ВГИКа Шукшин вступил в КПСС, и приводит рекомендацию

Михаила Ромма. На самом деле Шукшин поступил во ВГИК уже будучи членом партии. А вот когда он стал партийным, есть несколько версий. И сам Варламов в книге их приводит. На с. 113 цитируется интервью В. Виноградова о том, что ещё на первом курсе ВГИКа к Шукшину приезжал из Сросток отец его первой жены с угрозами обратиться в партбюро института, если Василий не вернётся к его дочери. А в интервью Лидии Александрович-Чащиной на с. 105 говорится о том, что Шукшин вступил в ряды КПСС ещё в армии. Приведённый фрагмент рекомендации Михаила Ромма — на самом деле характеристика В. М. Шукшина, уже снявшегося в фильме “Два Фёдора”, и написана она была совсем по другому поводу. Скорее всего, для отделения милиции городка Моссовета, где слушалось дело о драке Шукшина с польским студентом Ежи Гостиком. Конфликт, по версии Макарыча, произошёл из-за того, что Гостик назвал Александра Суворова палачом, а русских — быдлом.

Старейшая сотрудница музея в Сростках, автор книги о Шукшине Галина Ульянова сообщила мне, что осенью 1994 года состоялась встреча членов местной партийной организации. Тогда в музее все вспоминали секретаря райкома Доровских как разумного руководителя, взявшего на себя ответственность и принявшего в партию учителя вечерней школы Василия Шукшина.

В главе: “Я у них учусь”, воздав хвалу Коробову, автору изданной в ЖЗЛ в 1984 году книги “Шукшин. Творчество и личность”, Варламов целиком приводит эпизод, в котором Коробов утверждает, что Шукшин по дороге в Москву был завербован в воровскую шайку, подтверждая вывод письмом, присланным ему в 1978 году профессором Борисом Никитчановым из Казани. Варламов подчёркивает в финале своё отрицание этого факта, ссылаясь на неточность дат пребывания Шукшина в Казани и в Москве. У читающего же остаётся впечатление, что Шукшин уголовник. В своё время я спрашивал Коробова: “Встречался ли он с профессором из Казани?” Он бросил мне, негодуя: “Я сочинитель и учусь у Василия. Скажи, почему тебя Федосеева ненавидит?”... На том и разошлись... Сегодня, прочтя повторение коробовского вымысла, я попросил С. А. Уханова, живущего в Казани, найти след профессора Бориса Никитчанова. Он через две недели сообщил, что в университете и двух казанских вузах такого преподавателя он не обнаружил. И сам Шукшин до мая 1970 года в Казани не был (поезда из Сибири на Москву ходили по северной ветке через Кунгур на Ярославль, минуя Казань). Пожалуй, пора закрыть “коробовскую версию” для будущего тиражирования. Однако Варламов цепляется за мысль о принадлежности Шукшина к уголовному миру и пишет следующее: “Таким образом, хронологически он не имел возможности долго находиться в уголовной среде, но то, что он мог с ней так или иначе соприкоснуться, как мы увидим дальше, исключать нельзя”.

В главе “И я решил побороться с ним” расцветает другая, запущенная после смерти Макарыча сплетня о том, что Евтушенко посоветовал Шукшину поступать во ВГИК. Дословно привожу текст Варламова: “В книге Владимира Коробова даже называется, хотя и предположительно, имя опытного студента — Евгений Евтушенко. Для романа версия отменная, тем более что самый молодой член Союза писателей СССР Е. А. Евтушенко действительно в те годы в Литинституте учился, и правильно делает наш большой поэт, что этот слух не опровергает. Тут даже скульптурная группа напрашивается: Евгений Евтушенко, указующий Василию Шукшину путь во ВГИК (и будет замечательная переключка с установленным возле ВГИКа памятником Шукшину, Тарковскому и Шпаликову!)”. У Коробова байка приведена для живинки, чтобы увлечь читателя, у Варламова усилена почительностью перед “большим поэтом”. Очевидно, Варламова восхитила композиция у ВГИКа, где Шукшин в облики “бомжа” сидит на ступенях “альма-матер”, соображая, куда метнуть папиросу. Над ним Тарковский рукой сжимает себе горло, другой указывает на сидящего. Представьте переключку: у Литинститута Евтушенко жестом указывает (охотнорядцу) Шукшину путь во ВГИК, а может, в Америку, где сам ночует и лечится. Рядом юный Варламов — весь внимание.

От опеки маститых творцов Шукшина, бывало, спасали чиновники. Утверждаю, если бы не Николай Трофимович Сизов, генеральный директор Мосфильма, “Калина красная” никогда бы не увидела свет. В книге Варламова у Сизова отчество — Фёдорович, и часто упоминание его в тексте без фамилии. Однако именно благодаря Сизову Тарковский переснял “Сталкера” дважды, Сизов же поручился за его выезд в Италию. Когда отделом культуры

ЦК КПСС Сизов был отправлен возвращать его на Родину, Андрей даже не захотел с ним встретиться. По возвращении Сизов был уволен и через полтора года умер. Урна с его прахом в стене Новодевичьего кладбища, напротив могилы Бондарчука. Он был государственным человеком, с ним считались Косыгин и Байбаков, сохраняя его от кляуз “именитых творцов”. Он руководил Мосфильмом два десятилетия, а выброшен был в одночасье, с появлением капитализма в России. Шукшин говорил о нём: “Иду к нему, как к родной душе. Его замечания всегда вменяемы”. Мои слова может подтвердить редактор “Калины красной” Сергиевская И. Н., она продолжает трудиться в Союзе кинематографистов.

Вернёмся к первой главе, озаглавленной “Не на того напали”. Кто на кого нападал? Перечитал, чтобы понять, кому адресовано обвинение. Автор заявляет: “Историю жизни Василия Макаровича Шукшина можно рассказать по-разному. Можно написать героическое сочинение о том, как парень из далёкого алтайского села сумел по-гагарински (или, учитывая фактор землячества, по-титовски) чудесным образом взлететь на высоту своего времени, стать великим писателем, режиссёром, актёром и стяжать прижизненную народную славу, не так часто выпадающую на русскую долю, когда “любить умеют только мёртвых”. А можно изложить этот сюжет совсем иначе, обнаружить за всеми шукшинскими удачами и достижениями жёсткий и точный расчёт, нацеленность на успех, ломание чужих судеб – особенно женских. Можно увидеть в Шукшине удачливого конъюнктурщика, прошедшего по самой грани дозволенного, можно – русского советского патриота, а можно – скрытого антисоветчика, лишь прикидывавшегося коммунистом и ловко использовавшего преимущества социализма. Можно опознать в нём слово и дело, которые предьявила русская деревня в ответ на то, что с ней творили горожане, чужаки. Можно найти изысканную месть, умное хулиганство в духе его героя из рассказа “Срезал” Глеба Капустина или безобразную антиинтеллигентскую выходку и сослаться на высокомерные слова писателя и киносценариста Фридриха Горенштейна в адрес Шукшина: “В нём худшие черты алтайского провинциала, привезённые с собой и сохранённые, сочетались с худшими чертами московского интеллигента, которым он был обучен своими приёмными отцами. <...> В нём была природное бескультурие и ненависть к культуре вообще, мужичья, сибирская хитрость <Григория> Распутина, патологическая ненависть провинциала ко всему на себя не похожему, что закономерно вело его к предельному, даже перед ликом массовости явления, необычному юдофобству. <...> И он писал, и ставил, и играл так много, что к концу своему даже надел очки, превратившись в ненавистного ему “очкарика”. Сразу после цитаты – заявление Варламова: “Это высказывание принято называть “некрологом”. Опубликованное много лет спустя после смерти Василия Макаровича и Фридриха Наумовича, оно было обнаружено в архиве последнего и теперь трудно сказать, желал или нет соавтор Андрея Тарковского, чтобы эти строки увидели свет...”. Здесь Варламов намеренно неточен: рукопись “Вместо некролога” появилась сразу после смерти Шукшина, и весь год густо распространялась в самиздате и радиоголосах. На сороковинах Шукшина В. И. Белов назвал “Некролог” провокацией и больше нигде не писал об этом. Я в своей рукописи “Шукшин в кадре и за кадром” процитировал Горенштейна ещё в 1976 году без комментариев, как мерзость, говорящую саму за себя. Варламов же сообщает, что на публикацию “Некролога” гневно отреагировали друзья Шукшина, не приводя ни одного слова “гнева”, потому как его нет текстуально, а приводит цитату из статьи нью-йоркской газеты “Новое русское слово” от 27 февраля 1972 года писателя-эмигранта Виктора Некрасова под заголовком “Вася Шукшин”: “Многие считали его “почвенником”, русофилом, антиинтеллигентом. Подозревали и в самом страшном грехе – антисемитизме, – писал о Шукшине Виктор Некрасов. – Нет, ничего этого в нём не было. Была любовь к деревне, к её укладу... Человек он был кристальной... честности. И правдивости... И талант заставлял эту правду глотать. Даже тех, кому она претила. Глотали же, глотали...” Белов знал это мнение Некрасова и был согласен с ним. И оно же подтверждает, что уже в 1972 году Шукшина сопровождали нападки, которые так ярко сконцентрировал Фридрих, а если учесть, что Некрасов вспоминает о шестидесятих годах, значит, обвинения преследовали Василия всю его творческую жизнь. Размышляет Варламов и о том, как повёл бы себя Шукшин, проживи он дольше, “на чьей стороне

был бы в августе 1991-го, а на чьей — в октябре 1993-го, подписался бы под “Словом к народу” вместе с Василием Беловым или же оказался бы с Беллой Ахмадулиной... которая подписала в октябре 1993 года так называемое “Письмо 42-х”, поддерживающее расстрел Белого дома...”. И финал: “Шукшина... невозможно выбросить из русской истории, объявить устаревшим, ненужным, лишним. Не получится, не на того напали”. Но никто, кроме Горенштейна, и не нападает на Шукшина. Варламов внушает читателю, что вместе с Горенштейном на Шукшина нападаю и я, обнаруживая цитату из рукописи “Вместо некролога”. По тексту всей книги видно, что автор перелопатил изрядно материала, но использует только тот, который соответствует его взглядам. Для чего-то Варламов возвеличивает роль Беллы Ахмадулиной в биографии Шукшина. На самом же деле после фильма “Живёт такой парень” они практически не общались. Я был свидетелем того, как в ЦДЛ он намеренно избегал с ней встреч. А об отношении к Белле — я вспоминаю его афоризм: “Белла — цветок, проливший асфальт. На большее её не хватит...” (И эти мои слова приводит Варламов на стр. 171, дорисовывая картину своим воображением). Разве он побрёл бы за ней одобрять расстрел Белого дома?

По-своему самоубийственно упоминание имени Василия Белова среди подписавших “Слово к народу”. Не было там его подписи — была подпись Валентина Распутина. Такого рода судьбоносные документы отечественной истории надо знать — или вовсе не касаться этой темы.

Чрезвычайно лукаво написана глава “Наш сотрапезник” — о сотрудничестве Шукшина с “Нашим современником”. Сделать вид, что подобного журнала не было в литературной судьбе Шукшина, попросту невозможно — и пришлось упомянуть и о публикациях в журнале рассказов, “которые побоялся либо не пожелал печатать “Новый мир”, и о “Калине красной” (первая публикация киноповести в этом журнале), и о его членстве в редколлегии... Но все эти факты обставляются массой оговорок. Сам по себе выбор заголовка для главы (это издательское наименование дал “Нашему современнику” Ю. Нагибин) говорит о многом. А дальше идёт постоянное педалирование “самости” Шукшина (в чём ему, кстати, никогда никто не отказывал). “...Пытаться привязать Шукшина к какому-либо одному журналу — значит, не учитывать его собственной, автономной линии поведения”. К “Нашему современнику” привязал себя сам Шукшин — самые значимые его публикации последних лет связаны именно с этим журналом, и значимость этих его публикаций не идёт ни в какое сравнение со значимостью публикаций в “Сибирских огнях”, “Звезде”, “Севере”, “Авроре” и “Сельской молодёжи”, о которых упоминает Варламов. В то время многие авторы печатались в самых разных журналах, но при этом для каждого существовал определённый ориентир, определённый приоритет. И “Наш современник” стал таким приоритетом для Макарыча. Ведь никакой другой журнал, куда он обращался, не принял судьбоносную для него “Калину красную”.

Поэтому лишь с недоумением можно воспринять такие фразы Варламова, как “теперь его позвали на этот пир, но едва ли Василий Макарович приглашением сполна воспользовался и сделался завсегдаем русского клуба”. Приглашением Василий Макарович воспользовался как раз сполна. Если бы дело обстояло так, как пишет Варламов, Шукшин стал бы одним из авторов журнала, но не вошёл бы в редколлегию. Этот “вход” стал его выбором, его судьбоносным поступком. И сомнения его перед тем, как дать окончательное согласие (как пишет в своих воспоминаниях С. Викулов), продиктованы были именно мыслью — сможет ли он, вечно занятый в кино, принести полноценную пользу журналу.

“Русофильство” Шукшина — игра”, — цитирует Варламов Евгения Попова. Конечно, либералам крайне необходима такая интерпретация личности Макарыча — по-другому его к себе не привяжешь. Даже ссылкой на предисловие к подборке своих рассказов в “Новом мире”.

В главе “Земляки” о Пырьеве ничего не придумано. Шукшин действительно встречался с Пырьевым на набережной Яузы по Божьему провидению в 1947–1951 годах, когда работал в Подмосковье, скорее всего — в Щербинке. Осенью 1967 года мы встретились с Макарычем в коридоре Госкино в Гнездиновском переулке, когда Пырьева шельмовали везде, но особо — мосфильмовские “творцы”. Вася с горечью наблюдал глумление над бывшим генеральным

вершителем мосфильмовских дел. Искал случая обнаружиться и поддержать ошеломленного Ивана Александровича. Тогда говорил: “Вот сделаю последний фильм и приду к нему”.

7 февраля 1968 года Пырьев, придя со студии, лёг и умер во сне. Врачи констатировали шесть инфарктов, перенесённых на ногах во время работы. А я ведь волею providения в 1954 году бывал на Котельнической набережной в квартире Пырьева. Он в то время был депутатом Верховного Совета, избранным от Хакасии. Я не поступил на операторский факультет, не набрал проходной балл. Студент-общественник, обучающийся по направлению из Хакасии, Василий Кирбижеков, будучи на производственной практике, трудился в съёмочной группе у Пырьева. Он насильно потащил меня на квартиру. Конец июля. Когда мы шли по набережной, случился ливень, вымокли до нитки, добежав до подъезда. Вася сразу уговорил консьержку впустить нас. Мы позвонили в квартиру, с нас текло... Иван Александрович поздоровался с Васей за руку и пригласил в кабинет. Он выслушал его бодрые и мои с дрожью сказанные слова... И сразу стал отговаривать идти в киношную артель... “Вот я, — говорил он, — два года сидел над фильмом об Иване Грозном, который поручил мне Иосиф Виссарионович Сталин, а вот он умер. И никому теперь не нужен Иван IV и я — Иван Пятый. А тебя, землячок, если в следующий год не поступишь, а интерес не потеряешь, я устрою ассистентом к оператору, с которым я работаю, кино увлечённых пользуется с удовольствием...” Мы ушли, оставив у его стола лужицы стекавшего с нас дождя. Во всяком случае, в меня вселилась надежда... И на улице сияло солнышко, отражаясь в лужах и мокром асфальте.

Любопытно “внедрение” Варламовым в шукшиноведение Льва Аннинского: “А по-настоящему открыл Шукшина-писателя молодой, острый, внепартийный критик Лев Аннинский. Он его не расхваливал, не приглаживал, не лил елей, но был первым, кто Шукшина запеленговал как Шукшина, не просто как одного из подающих надежды молодых писателей, не просто ещё одного “деревенщика”, сибиряка, подописателя — он увидел в нём явление неслучайное, ожидаемое, “специалиста по межкладному слою”, представителя и выразителя той массы крестьян, которая покинула деревню ради города и на себе испытала весь драматизм этого перехода. И хотя позднее мама Шукшина сокрушалась, что есть-де в Москве такой зловредный ядовитый Лёв, который про её Васю и пишет и пишет, а что пишет, не понять, хотя были очень недовольны Василий Белов и Анатолий Заболоцкий, относившиеся к Аннинскому как неприятелю или диверсанту, проникшему на их суверенную территорию, на самом деле не пиши Лёв про Васю, не будоражь общественное мнение, не провоцируй критиков и критикесс, на Шукшина и вовсе могли бы не обратить внимания в 1960-е годы, пропустить как этнографический казус и лишь потом опомниться: это где ж мы все были?” Мамы в живых уже не было, когда явился Лев Аннинский, она упоминает о другом “Лёве” — Кулиджанове. Зловредный и “ядовитый Лёв”, который пишет и пишет про Васю, — Лев Александрович Кулиджанов, у которого Шукшин снимался, и все телеграммы о переделках “Печек-лавочек” подписывались худруком Студии им. Горького Львом Кулиджановым.

Суверенной территории ни у Белова, ни тем более у меня не было, потому как территория целиком была у Федосеевой и её фаворитов — от Миши Аграновича до Бари Алибасова...

Шло время. После смерти Шукшина у Лидии Федосеевой не хватило усидчивости и филологической грамотности, и она пригласила Льва Аннинского разбирать рабочие записки, архивы, варианты романа “Любавины”, писать предисловие для издания публицистики и записных книжек вышедшей в 1979 году книги. Положительно оценивая публицистику и фильмы Шукшина, в разделе архивных записей Аннинский оставляет только те, которые согласуются с его взглядами. Жаль, не включены письма Леонова Л. М., Свиридова Г. В., многие из писем Белова В. И., а также письма читателей, особенно после статьи в “Правде” о фильме “Калина красная” от бывших и свежих сидельцев тюрем. В своём письме Леонид Максимович Леонов просил его сосредоточиться только на литературе: “Бог дал тебе талант владеть словом, — писал он (а Шукшин мне это не раз читал). — Перестань заниматься мотыльковым искусством кино”.

Я помню первую встречу с Аннинским в 1975 году в кинотеатре “Уран” на Сретенке, которого уже в помине нет, на встрече со зрителями. Встреча шла скучно, пока Аннинский, резко приблизившись к краю сцены, наклонившись над залом, критикуя киноязык шукшинских фильмов, не заявил: “Шукшин — враг интеллигенции”. Из зала раздался возглас как гром: “Сам ты враг!” Лев Аннинский закулил удила: “Кто кричал, что я враг?” Молчание. Лев повторил вопрос... Молчание. “Трус всегда действует втёмную!” Мужик среднего возраста и роста поднялся с места. Аннинский с ленинским жестом вытянутой руки произнёс: “Вон из зала!” Мужик недвижим. Лев повторяет: “Вон из зала”. Дежурные тётки вывели мужика из зала, открыв дверь на улицу. В зале воцарилось неловкое молчание. Вопросов больше не последовало. За кулисами я спросил Аннинского: “Ну что, победил?” Мы с ненавистью посмотрели друг на друга. С того времени, изредка пересекаясь на мероприятиях, мы проходим мимо друг друга молча по сей день.

При жизни Шукшин как писатель был не слишком известен, четыре тоненькие книжечки вышли малым тиражом, а публикации в периодике до широкого читателя не доходили. А за пять лет после смерти опубликовано больше сотни массовых изданий, и спрос на них рос, часто измерялся килограммами сданной макулатуры или покупкой лотерейных билетов. Сегодня Аннинский в предисловиях ко многим книгам нигде не называет Шукшина врагом интеллигенции, а расплывчато ценит его писательское дарование и обаяние актрисы Федосеевой. За прошедшие годы и до сего дня суверенной территории Шукшина ни Белов, ни тем более я не топтали. И это не потому, что Лев Аннинский хозяйничает в архивах Макарыча, а потому что не хотели вторгаться в личную и семейную драму Шукшина.

А ещё страшнее слух идёт, что Варламов в прессе объявил, что собирает материал для биографии В. И. Белова. Помнится, какой была оголтелой критика на роман Белова “Всё впереди”, и только единственный отзыв самого Варламова в “Литературной газете” звучал в его защиту. А теперь в книге о Шукшине Варламов утверждает, что именно Белов влёт Шукшина к ксенофобии в главе “Пил и антисемитствовал”. Господи, не попусти осуществить фарисейский труд!

А о том, как сегодня “будоражится общественное мнение и провоцируются критики и критикессы” по поводу творчества Шукшина, можно судить из выступлений на научно-практической конференции на тему “Герой Василия Шукшина как воплощение национального характера”, которая состоялась во ВГИКе 15 октября 2004 года. Все должностные профессора-киноведы, говоря о Шукшине, до сих пор непременно адресуются к Тарковскому, впрямую или подтекстами подводя: “Он-де кинокультура, а кино Шукшина — лапотный натурализм, и говорить-то не о чем”. Завкафедрой драматургии Ю. Н. Арабов, кроме “розового” фильма “Живёт такой парень” (спасибо, что не голубого!) во всём творчестве выделил “алкогольную” вину Василия Шукшина перед репрессированным отцом и Родиной со ссылкой на “комплекс Павлика Морозова”. Правда, по мнению мэтра кинодраматургии, светлое отношение всё-таки проявлено к женщине-матери. Остальные персонажи так, мол, или иначе ущербны. Своим творчеством Шукшин и, не в меньшей степени, Николай Рубцов, по его мнению, констатируют угасание русской нации. Спасут только многомиллиардные дотации какого-нибудь международного сообщества для двух-трёх поколений русского люда, а также сильная кровь и организованность еврейского племени. Вопиюще звучал приговор доктора искусствоведческих наук Кирилла Разлогова, что феномен Шукшина равновелик группе “Тату”: “Стоит подумать о создании международного семинара, пригласив на него авторитетных критиков, где-нибудь в центре Помпиду или в другом Еврограде, а может быть, в Японии, и проанализировать природу долговременного интереса зрителя к криминальной романтике кинофильма “Калина красная” и группе “Тату”...”

Но вернусь к теме статьи. За годы, прошедшие после смерти Василия Шукшина, вышли две его биографии в серии ЖЗЛ и несколько биографических сборников. Авторы в основном пользуются наработками друг друга. Фантазии, домыслы и мифы переходят от одного автора к другому. Изменить эту ситуацию, на мой взгляд, может полный личный архив Шукшина, который доступен сегодня не всем. Улучшило ситуацию барнаульское издание 9-томного собрания сочинений В. М. Шукшина 2014 года. Только государству по силам к 100-летию Шукшина озаботиться полным изданием личного архива писателя и режиссёра без купюр!

И, поминаний, о своей скромной персоне. Приведя большой отрывок из моих воспоминаний "Шукшин в кадре и за кадром" в главе "Кому дают читать протоколы — не жилец" и указав на то, что я якобы перепутал художника Петра Нилуса и писателя Сергея Нилуса (подлинного художника слова), Варламов снабдил цитату "успокаивающим" примечанием: "...ошибка... не в укор мемуаристу, а как свидетельство того, что Анатолий Дмитриевич не принадлежал на момент своего высказывания к профессиональным конспирологам и борцам с масонским заговором". Спешу успокоить биографа: к профессиональным конспирологам я не принадлежал и не принадлежу по сей день. А что касается "заговора", то пусть лучше он попробовал бы опровергнуть самого Шукшина — его впечатление от чтения "Протоколов сионских мудрецов" ("Жизненная сказочка — правдивая. Наполовину осуществлённая").

В заключение приведу интимно-личное письмо матери Шукшина ко мне. Даже по этому небольшому документу читатель сможет ощутить, в какой тревоге она существовала в своей "однушке" в Бийске. В живом прочтении от Шукшина я слышал много дневниковых записей и писем, которых сегодня в обороте нет. Письмо Марии Сергеевны послужило толчком к созданию фильма "Слова матери". Поддержки в Москве я не нашёл, а помог мне "Беларусьфильм" получить камеру и плёнку на четыре дня и снять Марию Сергеевну, записать её живое слово, дающее представление, откуда вынырнул Шукшин. Увидеть фильм она не успела.

Письмо мне Марии Сергеевны Шукшиной (Куксиной) (через год после смерти сына)

Добрый день, дорогие мои Толя и жёнка Ваша! Толя, получила я твоё письмо, спасибо, милый, спасибо за заботу, за добрые слова. Толя, насчёт зубов я тоже думаю весной. Да погодить бы. Толя, говоришь, с Лидой говорил. Толя, милый, да я всё понимаю, ну, как-нибудь устроимся, разве я не вижу. Ну, Толя, большое спасибо за заботу. Толя, милый, будь ты мне родным сыном. Помоги, ради Бога. Да как ещё у меня здоровья хватит загадывать, ну, там Бог подскажет. Увидим, может, сами к весне приедете. Василия Белова тоже надо, но адреса не знаю, а он сам не напишет. Толя, может, когда отпуск будет, приехал бы. Слава сулился письмом написать, ан нету, всё на работе некогда. Как у него там дела идут? Толя, я, когда была в Москве, Лида мне говорила, Вас к премии и Васю посмертно. Но получила или нет, охота узнать. Она нам не пишет. Я ей писала, писала и сейчас написала, я, наверное, думаю, надоела. Ну, ладно, Толя, спасибо. До свидания. Будьте здоровы. С уважением и любовью Мария Сергеевна. Толя, только весной будем с зубами. Пока всё. Будет время, напиши.

добрый день дорогие мои толя
и жёнка ваша! толя, получила я
твое письмо спасибо милый
спасибо за заботу за добрые
слова толя думаю весной
да погодить бы толя говоришь
с лидой говорил толя милый
да я всё понимаю ну как-нибудь
устроимся разве я не вижу ну
толя большое спасибо за заботу
толя милый будь ты мне родным
сыном помоги ради бога да как
ещё у меня здоровья хватит
загадывать ну там бог подскажет
увидим может сами к весне
приедете василия белова тоже
надо но адреса не знаю а он
сам не напишет толя может
когда отпуск будет приехал бы
слава сулился письмом написать
ан нету всё на работе некогда
как у него там дела идут толя
я когда была в москве лида
мне говорила вас к премии и
васю посмертно но получила
или нет охота узнать она нам
не пишет я ей писала писала
и сейчас написала я наверное
думаю надоела ну ладно толя
спасибо до свидания будьте
здоровы с уважением и любовью
мария сергеевна толя только
весной будем с зубами пока
всё будет время напиши

толя когда ты говоришь не знаю
и как сам как-нибудь толя
могил когда отпуск будет
приехал бы слава сулился
письмом написать ан нету
всё на работе некогда как
у него там дела идут толя
я когда была в москве лида
мне говорила вас к премии
и васю посмертно но получила
или нет охота узнать она
нам не пишет я ей писала
писала и сейчас написала я
наверное думаю надоела
ну ладно толя спасибо до
свидания будьте здоровы с
уважением и любовью м.с.
толя только весной будем
с зубами пока всё будет
время напиши

Слава Богу! Несмотря на негатив пророчества для русских “авторитетной” профессуры ВГИКа, смыкающейся с выкладками Фридриха Энгельса, о русском мире, опубликованными ещё в XIX веке... Жив курилка! Редко случаются знаковые события. Совсем недавно на Страстном бульваре появился полноценный памятник А. Т. Твардовскому, на постаменте которого почерком поэта нацарапаны четверостишья. Одно из них в далёкой Тимонихе и в Москве всегда было на слуху у Василия Белова:

*С тропы своей ни в чём не состукая,
Не отступая — быть самим собой.
Так со своей управиться судьбой,
Чтоб в ней себя нашла судьба любая,
И чью-то душу отпустила боль.*

Разве это не чудо, держащее Русь на плаву! Как и чудо Осляби и Пересвета в одном лице Фёдора Конюхова, облетевшего Землю на воздушном шаре скорее всех в мире с первой попытки и с мировым рекордом!.. Воодушевимся и судьбой Валентина Григорьевича Распутина, весь земной срок не соскупившего с Русского национального поля. Выживем!..

P.S. За последние годы А. Варламов стал одним из основных авторов, обильно чуть ли не ежегодно снабжающих серию ЖЗЛ издательства “Молодая гвардия” жизнеописаниями исключительно известных русских людей Г. Распутина, М. Пришвина, А. Грина, М. Булгакова, А. Платонова, А. Толстого, В. Шукшина. А сейчас он не покладая рук работает над книгой о Василии Ивановиче Белове. Его необыкновенную плодотворность и важные мировоззренческие устои высоко оценил бывший ректор Литературного института им. А. М. Горького Сергей Николаевич Есин. Мнение которого для наших читателей и для отечественной истории особенно важно, потому что и сам Есин, до того, как Варламов стал ректором Литинститута, руководил этим прославленным заведением более 15 лет.

Позвонил мне народный “шукшиновед” Сергей Рехтин и обратил моё внимание на “Дневник” Есина за 2014 год (М., изд. “Академика”, 2017).

“Весь день получал удовольствие и читал прозу Варламова. Начал, как подхалим, закончил, пожалуй, как поклонник. Очень мы с ним похожи в одном — у обоих важной компонентой является такой актуальный в России еврейский вопрос. Разве я мало об этом писал? Прекрасные собеседники, люди, как правило, интересующиеся литературой и общественной жизнью. Меня уже довольно давно заинтересовало, почему так отчаянно несколько лет назад М. Е. Швыдкой похвалил А. Н. Варламова. Собственно, ответ нашёлся — дело даже не в упоминаниях, а в акцентах. В варламовский “Еврейке” — русский-то мальчик рядом с ней оказывается говнюком, в “Вальдес”, где действует девушка-полукубинка, русские мальчики, а их трое, тоже оказываются слабаками. К этим моим поверхностным соображениям можно присовокупить и содержание очень большой документальной повести “Ойоха”. Это о семимесячном, кажется, пребывании Алексея в Америке, в некоем интернациональном доме творчества. Америка страна богатая, ухоженная, её службы финансируют многое. Много там и наших соотечественников, многие, естественно, с еврейскими корнями. Ну, а здесь уже прёт наша минувшая действительность с её лагерями, сроками, войной, но и с чудесной еврейской сплоткой. Здесь Варламов, как Горький. Наверное, объективно, я ведь тоже очень многим обязан и Борису Иоффе, и Семёну Беркину, который брал меня на радио, и я их, как моих спутников, люблю, и высоко чту, и память о них храню. Продолжать не стану, буду читать дальше и получать удовольствие — проза умная, добрая, расчётливая, интеллектуальная и по письму традиционно-русская” (стр. 409).

Мне остаётся только добавить, что бывший министр культуры, а ныне специальный представитель Президента по международному культурному сотрудничеству М. Е. Швыдкой, “хваливший Варламова”, в своё время прославился тем, что организовал и выпустил на телевизионном канале “Культура” передачу на тему “Русский фашизм страшнее немецкого?”.